

Summary

Artistic collision “capital – the provinces” is investigated by the author from the point of view of textual realization of social mythological imaginations and stereotypes in the figurative executed urban space. In the article semantics of political direction social myths are analyzed, plotcreative, composition and sensecreative roles of urban locales for artistic explication of votes mythologem, the symbol of power, populism and messianism ideological constructions are defined. Attention is also paid to opposition “capital – the province” and “provincial” topos forming in modern Ukrainian prose.

Keywords: social myth, urban locales, “capital – the provinces” collision, ideological constructions, opposition removal, “provincial” topos.

МИФОПОЕТИЧНИЙ АСПЕКТ МІСЬКОГО ТЕКСТУ

УДК 821.161.2–1Белый.09

Винокурова-Капинус Т.Л.,
аспирант,
Харьковский национальный
университет имени В. Н. Каразина

МИФОЛОГЕМА ГОРОДА-ПРИЗРАКА В КРИТИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ РАННЕГО АНДРЕЯ БЕЛОГО

Мифологема інфернального міста-призрака в творчестві А. Белого починає формуватися в критическій прозі 1904–1905 гг. Мотивний аналіз статей показує, що урбаністическа мифологія раннього Белого практическі тождественна символістескій інтерпретації Петербурга і/или “петербургеского текста”.

Семиотика Петербурга і особенности “петербургеского текста” в достаточній мері дослідовані в роботах В. Топорова, Ю. Лотмана, З. Минц і др. Из текстів А. Белого по понятним причинам увага уделєється, прежде всего, роману “Петербург”. Однак урбаністическі теми і мотиви, послуживші основой для его создания, присутствують і у раннього Белого, в том числі і у Белого-журналіста. Критическа проза сама по себе составляє найменше дослідований пласт в творчестві писателя. Единственной роботою, посвященною в том числі і проекціям міста в критике, являється стаття А. Лаврова “Петербург до “Петербурга” в мифопоезітескі і творчестві Андрея Белого”. Исследуємый в ней материал ограничєвается публикаціями только 1907 г., поэтому данная проблема нуждается в расширєнии і подключєнии более ранних текстів, так как именно в них находятсє первоистокі символіческого міста – Петербурга.

В формирєвании “петербургеского текста” В. Топоров отмєчает исключительную роль писателей-москвичей (і ширє – не-петербуржцев). “Петербургескій текст менее всего был голосом петербургеских писателей о своем городе. Устами Петербургеского текста говорила Россия і прежде всего Москва. Потрясение от их встречи с Петербургом ярко отражено в Петербургеском тексте, в котором трудно найти следы успокоєнности і примирєнности” [9, 277–278].

Потрясение от встречи с городом Петра испытал и коренной москвич А. Белый, чей первый визит в Петербург состоялся 9 января 1905 г., в день, который вошел в историю как “Кровавое воскресенье”. Как справедливо считает А. Лавров, “первые впечатления, видимо, стали самыми значительными и самыми необходимыми для измышления и конструирования семь-восемь лет спустя фантазмагорической художественной панорамы” [6, 152]. В критической прозе 1905 г. эти впечатления, еще не осознанные в полной мере, представлены в наиболее чистом и необработанном виде. В статье “Луг зеленый” (1905) Белый описывает их следующим образом: *“В тяжелые для России январские дни мне пришлось переживать в Петербурге весь ужас событий. Что-то доселе спавшее всколыхнулось. Почва зашаталась под ногами”* [4, 330]. С этого времени восприятие Петербурга в мифопоэтике Белого невозможно без мотива пребывания над бездной и ощущения экзистенциального ужаса.

В отличие от романа “Петербург”, в журнальных статьях раннего периода практически отсутствуют топографические подробности столицы. Есть просто город – город-спрут, город-автомат, город-призрак. Причем мифологема города присутствует и в статьях, предшествовавших визиту Белого в Петербург. Однако, возвращаясь к “петербургскому тексту”, необходимо вспомнить, что условием подключения к нему являлось не только и не столько описание специфических петербургских топосов, сколько наличие родственных ему тем и мотивов, в частности, города-спрута, города фантастического, призрачного, города мистического зла, города “механического автомата”, города, обреченного на гибель [8, 81]. Урбанистические темы хотя и не входят в число основных тем литературной критики, однако функционируют в статьях Белого на мотивном уровне.

В статьях, опубликованных в 1904–1905 гг. в журнале “Весы”, доминантным мотивом становится мотив автомата, который располагается в семантическом поле так называемой “зоны хаоса”. Достижения научно-технического прогресса (поезд, автомобиль, телефон, электричество и др.) становятся атрибутами бездны; а тотальная механизация отождествляется с inferнальным началом. В статье “Призраки хаоса” (1904) Белый пишет: *“Люди оказались здесь инженерами, механиками, техниками, превратившими хаотический ужас душ в ужасающую механизацию хаоса. Воспаленный бред демонизма и пламенный глаз демона, мчащегося вдоль железных рельсов прогресса среди глухой ночи”* [3, 71]. По мнению Л. Долгополова, поезд-змей, поезд-демон – результат трансформации в сознании автора образа апокалиптического “зверя”, пропущенного сквозь призму машинной цивилизации [5, 100]. Символ поезда как inferнальное воплощение технического прогресса достаточно характерен для творчества раннего Белого (3-ая “симфония”, стихотворения “Станция”, “На рельсах” в сборнике “Пепел”). И поскольку техническое развитие – исключительная прерогатива урбанистической культуры, в процессе мифотворчества мотивы автомата и демонизма переносятся на некий Город, сосредотачивающий в себе основные черты Петербурга в “петербургском тексте”.

В упомянутой выше статье “Луг зеленый” также присутствует символика поезда-зверя, и здесь этот образ подкреплен мотивами поглощения человеческой личности и пожирания всего живого. Белый ставит дилемму: *“Или общество – машина, поедающая человечество, – паровоз, безумно ревущий и затопленный человеческими телами. Или общество – живое, цельное, нераскрытое, как бы вуалью от нас занавешенное Существо, спящая Красавица, которую некогда разбудят от сна”* [4, 328–329]. Спящая Красавица – Россия – погружена в сон, напоминающий смерть; и элементы городского пейзажа – телеграфные провода и дымящие трубы фабрик функционируют в тексте как атрибуты смерти. *“Лик Красавицы занавешен туманным саваном механической культуры – пишет Белый, – саваном, сплетенным из черных дымов и железной проволоки телеграфа”* [4, 329].

Мертвенной цивилизации автомата противостоит “сама жизнь”, символом которой становится первозданный зеленый луг. Оба эти пространства претендуют на то, чтобы объединять. В городе люди связаны друг с другом посредством телеграфных проводов – сети смерти. И, напротив, между пребывающими на зеленом лугу устанавливается высшая, религиозная связь (*“бирюзовая сеть неба опутает сердца посвященных – бирюзовые нити навеки скрепят”* [4, 332]). Город и зеленый луг противопоставляются друг другу как общество/община. Это противопоставление действительно и для искусства: отсутствие религиозного смысла в урбанистической поэзии В. Брюсова, по мысли Белого, делает ее мертвой и механической. В статье “Апокалипсис в русской поэзии” (1905) критик характеризует творчество старшего символиста теми же словами, что и город: *“Прекрасное тело его музы еще не оживлено, оно механизировано хаосом: это автомат, движимый паром и электричеством. Здесь мы имеем дело с паровым воскресением мертвых”* [4, 413]. Белый призывает Брюсова уйти от “железной” безжизненности города: *“Брюсовская муза да покинет страны Гадарры! Этой страной Гадарринской оказываются те места, где машинный американизм поет свои ужасные песни фабричными гудками, электрическими звонками и вечно лопающимися беззвучными гранатами, подвешенными на улицах к железным стержням”* [4, 415]. Звуки индустриальной цивилизации в критике Белого подчеркнута немзыкальны, что особенно важно ввиду его представлений о музыке как о высшей форме искусства. Другой пример городской какофонии в статье “Призраки хаоса” (1904): *“...ужас там, где звонят телефоны, где знакомцы и незнакомцы бросают друг другу в уши через пространство свои трескуче-гортанные выкрики”* [3, 71].

Стремление к зеленому лугу (религиозной общине) – это, по Белому, внутренняя необходимость, объединяющая людей: *“среди бесплодных споров и видимой оторванности от жизни сама жизнь – жизнь зеленого луга – одинаково бьется в сердцах и простых, и мудреных людей русских”* [4, 329].

В данной статье имплицирована антизападническая позиция А. Белого. В то время как исконным пространством России является “вольный простор” зеленого

луга, города и вся механизированная урбанистическая культура рассматриваются в качестве чужеродных организмов. Используя гоголевский образ колдуна из рассказа “Страшная месть”, Белый всячески подчеркивает его чужеземное происхождение и, следовательно, воспроизводит мифологическую оппозицию свое/чужое: “...то неведомый казак, тебе из **заморских** (здесь и далее выделение наше. – Т.К.) стран ужас приносящий... Вот покрывает он зеленые луга сетью мертвых городов; вот занавешивает небо черным пологом фабричных труб – не казак, а колдун, отравляющий свободный воздух **родного** неба – души” [4, 333]. В статье нет прямого указания на западные страны, но отождествление урбанизма с техническим прогрессом позволяет заключить, что речь идет именно о них. С другой стороны, в статье “Апокалипсис в русской поэзии” Белый уже прямо говорит о “машинном американизме”.

Таким образом, города возникают вопреки естеству и вследствие вторжения чужеродных сил Запада. В этом пункте индивидуальный урбанистический миф А. Белого особенно близок петербургской мифологии. Согласно классификации Ю. Лотмана, Петербург относится к эксцентрическому типу города. Особенностью этой модели является ее расположение “на краю” культурного пространства: на берегу моря или в устье реки, вследствие чего в мифологии эксцентрических городов актуализируется оппозиция естественное/искусственное [7, 31]. Модель города в критике Белого конструируется в первую очередь в рамках данного противопоставления. Отметим также, что в традиции “петербургского текста” оппозиция естественного и искусственного реализуется не как город/деревня, а как Петербург/Москва; при этом Москва некоторым образом принимает на себя функции деревни, становясь частью природы, городом-растением. “Москва, московское пространство (тело), противопоставляется Петербургу и его пространству, как нечто органичное, естественное, почти *природное* (отсюда обилие растительных метафор в описаниях Москвы), возникшее само собой, без чьей-либо воли, плана, вмешательства, – неорганичному, искусственному, сугубо „культурному”, вызванному к жизни некоей насильственной волей в соответствии с предумышленной схемой, планом, правилом” [9, 272–273].

Несмотря на то, что зеленый луг в критической прозе Белого – это, скорее, некое метафизическое пространство, его образ включает в себя и “московские” проекции. В письмах Белый не раз объявлял себя “московским мистиком”, а Москву – центром грядущих перемен. В ранний период творчества оппозиция Петербург/Москва несомненно ассоциировалась с различиями между петербургскими и московскими декадентами. Писатели и поэты-петербуржцы представлялись Белому склонными к теоретизированию, построению тяжеловесных схем, то есть подозревались в той же отвлеченности и умышленности, которая была включена в мифологию города Петра еще до его возникновения. В ноябре 1903 г. Белый писал Блоку: “Петербургские мистики – теоретики в мистицизме, насколько я это сумел понять, а московские – больше практики, реалисты, наблюдатели. <...> Будучи московским мистиком и патриотом,

я склонен полагать, что Москва наиболее центральное место и что, пожалуй, вне Москвы невозможно практическое решение многих вопросов” [1, 126]. Таким образом, если Москва воспринималась Белым как центр действия, то Петербург изначально являлся чистым текстом, представая исключительно в художественных и философских произведениях.

В критике 1905 г. Белый начинает уделять больше внимания классикам русской литературы – главным создателям “петербургского текста”. В статье “Ибсен и Достоевский”, где высказывается болезненно-критическое отношение к творчеству Достоевского, провозглашается необходимость вернуться к первоисточкам – Гоголю и Пушкину. При этом определяется особая связь вышеназванных писателей с Петербургом: “Пушкин и Гоголь ходили походкой задумчивой и в зеленых, тихих куцах, и на каменных стогнах Петрограда. Достоевский семенил дробной походкой петербургского обывателя. И российская словесность засемила вслед за ним” [4, 197]. Достоевский в статье Белого – истинный петербуржец, к тому же “мещанин”. В качестве его последователей Белый упоминает Мережковского и Розанова – тех, которых он называл “петербургскими мистиками”. Но и в самом Достоевском критик подчеркивает несоответствие между теорией и практическими действиями: “Как будто **на практике забывал** все это Достоевский, хотя в теории не мог он не знать. <...> Слишком **отвлеченно** принимал Достоевский свои прозрения” [4, 197]. Его “отвлеченность” сродни фантомности: Белый называет писателя “волнующим нас, но бесплотным”. Вместе с тем, в приведенной выше характеристике Пушкина и Гоголя воспроизводится оппозиция естественное/искусственное или зеленый луг/город (с одной стороны – “зеленые, тихие кущи”, с другой – “каменные стогны”), только город в этой статье уже уверенно называется Петербургом.

А. Лавров, анализируя статьи Белого 1907 г. (“Штемпелеванная калоша”, “Иван Александрович Хлестаков”, “Город”), утверждает, что именно в них впервые применен прием травестирования, гротескного разоблачительного перекодирования “высоких понятий” и образов. Исследователь акцентирует, что прием оказался востребован именно при обращении к “петербургской проблематике” [6, 148]. В статье “Ибсен и Достоевский” подобный прием уже используется с целью десакрализировать образ Достоевского: “Достоевский был политиканствующим мистиком. Ужасное соединение! <...> Напрасно подходят к нему с формулами самой сложной гармонии, чтобы прилично объяснить его крикливый, болезненный голос. Нет мужества признать, что он всю жизнь брал фальшивые ноты” [4, 196]. В сатирическом памфлете “Штемпелеванная калоша” (1907) появляется обобщенный образ “петербургского модерниста” (его прообразом был сторонник мистического анархизма Г. Чулков), который грозит “бездне” калошей. Достоевскому Белый также приписывал опoшление понятия “бездны”: “Несказанная глубина его образов – наполовину поддельная бездна, нарисованная иной раз прямо на плоскости” [4, 196]. Вскоре в статьях Белого имя

Петербурга кристаллизувалось як символ фікцій і обманливих, опошлених цінностей, хоча сама тема пошлости і обманливості виникла раніше, в 1904 г., в частині, в статті «Окно в майбутнє»: «*Пусть уж подсакивают, пряча душу, те два господина: вот они щелкают пальцами по афише. Вот наклоняют они друг к другу свои лица, точно заговорщики, чтобы обменяться пошлостью. Ведь не поверхность приблизилась к поверхности, а два черных провала, закрытые масками*» [2, 9]. В критикі 1907 г., відзначає А. Лавров, Петербург предстает маревом, царством теней, в його просторі немає людських індивідуальностей, володаючих суверенним бытием, одні марионетки; а замість людей – механічний конгломерат предметів: котелки, перчатки, трости [6, 150]. Но і в розглядає нами статті «Окно в майбутнє» прослідковуються такі ж тенденції: люди розчиняються в частях одягу або аксесуарах, перетворюючись в обезличенні фантоми: «*Подсакивают сюртучники. Развеваются фалды их одежд*» [2, 11]; «*Над бездною скользят эти дамы, наводя лорнеты и обмахиваясь веерами. Над бездною колышатся фалды сюртуков, застегнутых на все пуговицы*» [2, 9]. (Ср. в «Иване Александровича Хлестакове»: «...мимо бежали тени в котелках, в цилиндрах, в лайковых перчатках, но непременно без лица. Вместо лица – туман. Котелок **колыхался** над пальто» [7, 150]). В статті «Окно в майбутнє» человек, сливаясь с маской, фактично перетворюється в тень: «*С крепко-подвязанной маской на лице среди озаренных электричеством зал **скользит** чей-то беспечно-небрежный черный контур*» [2, 9]. Люди-тени виникають не на обширних зелених просторах, а в залах, «озарених електричеством» (один из атрибутів інфернального міста: «*Ужас там, где лазурь повсюду пересекают электрические провода*» [3, 71]).

Таким образом, основні елементи образу Петербурга в одноіменному романі уже присутують в ранній критикі Белого. Мотив утрати людської індивідуальності супроводжується мотивом маски і маскарада: «*Маскарад возобновляется. Платья шелестят. Маска спрашивает маску: “Ну что?” Маска отвечает маске “удивительно”*» [2, 11]. Связь мотива маски, маскарада, ряженя с Петербургом в текстах символістів також відзначалась дослідниками [8, 83]. В статті «Призраки хаоса» Белый прямо вказує на родство маски, науко-технічного прогреса і суматохи міських вулиць: «*Сама наука – только найденный ритм безумия, спокойная маска на воспаленном лице. Загляни сквозь нее “в пустых очей ночную муть”, тот же хаос бесцельности, что и в бешеном беге прохожих, мчащихся вдоль улиц неизвестно куда*» [3, 71].

Эксцентрические города интерпретируются либо как победа разума над стихиями, либо как извращенность естественного порядка [7, 31]. В антирационалистической концепции Белого присутствуют обе вышеназванные интерпретации: победа науко-технічного прогреса над первозданной стихией зеленого луга для символіста і єсть извращенность. В статті «Призраки хаоса» миф о прогресе у Белого неотделим от мотива безумия: «*Сама наука только найденный ритм безумия. <...> Хаос души сливается с хаосом жизни, и не один*

безумец прячется под маской ученого, инженера или механика” [3, 71]. Амбивалентность разума и безумия, вероятнее всего, восходит к новозаветной концепции, согласно которой “мудрость мира сего” является безумием перед Господом. Поэтому естественно, что противопоставленный рационалистически-механизированному городу зеленый луг описывается как нечто не принадлежащее этому миру и не познаваемое с помощью разума. Характерный для раннего Белого апофатический подход при дескрипции религиозных переживаний проявляется в том, что пространство луга – души – общины отмечено в статье сгущением прилагательных с приставкой не- (в т.ч. и субстантивированных): *несказанное, неоформленное, неизреченное, неслыханная, невоплощенная*.

Несмотря на вполне определенные городские реалии, машинная цивилизация в мифопоэтике А. Белого является призраком, заслоняющим собой иное пространство, высшее и вместе с тем более реальное. Зыбкость подчеркивается сравнением своеобразной квинтэссенции города – дыма фабричных труб с вуалью/саваном/“пеленой черной смерти”/“черной тучей”, которая стоит перед глазами Спящей Красавицы – Души Мира. Идея Мировой Души была заимствована Белым у философа Вл. Соловьева, который понимал ее как одну из ипостасей Софии – Божественной Премудрости.

Мировая Душа, представляющая собой совокупность всех человеческих душ, по словам Белого, находится на распутье “*между механической мертвенностью и первобытной грубостью*”, между “*религиозной жизнью и путем автоматизма*” [4, 329]. Машинная цивилизация противостоит преображению Мировой Души, которую Белый отождествляет и с Женой, облеченной в солнце из книги Апокалипсиса. Таким образом, введение в текст городских реалий было необходимо для того, чтобы очертить координаты анти-Софии, которой может стать Мировая Душа в случае неправильного выбора. В более ранних публикациях (1903 г.) такой анти-Софией являлась Астарта или Вавилонская блудница. В статье “Апокалипсис в русской поэзии” в этих символах воплощается брюсовский урбанизм: в поэзии Брюсова “*поднимается Великая Блудница, восседающая на багряном звере*” [4, 415]; “*подножием ее служит железная ящерица – зверь*” [4, 416]; реализм Брюсова “*с явно выраженной нотой астартизма*” [4, 416]. “Железная ящерица” – трамвай является инвариантом “демона” – поезда и также символизирует апокалиптического зверя. Развитием темы служит и выстраиваемый Белым ассоциативный ряд: казак в красном жупане – Змей Горыныч – апокалиптический Дракон, который покрывает зеленые луга “сетью мертвых городов”.

Соотнесение городских реалий с образами Апокалипсиса указывает на вполне определенный взгляд Белого относительно будущего города, созданного вопреки естеству: подобно Вавилону, он непременно исчезнет с лица земли. Таким образом, в очередной раз подтверждается принадлежность символического города Белого к эксцентрическим городам, существование которых, по Ю. Лотману, сопровождается эсхатологическими мифами: предсказание гибели, идея

обреченности и торжества стихий неотделима от этого цикла городской мифологии [7, 31]. При этом город в критике Белого противопоставляется вечности, и автор в очередной раз подчеркивает его призрачность и эфемерность, уподобляя, таким образом, Петербургу. Во вступительной и в заключительной частях статьи “Окно в будущее” (1904) повторяются следующие строки: *“Все потом рассеется. Известное захлебнется неизвестностью, и этот город с домами, дворцами и храмами разлетится, как старинный призрак, уже не раз смущавший тишину Вечности”* [2, 1–2, 10]. Ср. у Достоевского в романе “Подросток”: *„Мне сто раз среди этого тумана задавалась странная, но навязчивая греза: “А что как разлетится этот туман и уйдет кверху, не уйдет ли с ним вместе и весь этот гнилой, склизлый город, подыметя с туманом и исчезнет как дым, и останется прежнее финское болото?..”*. Таким образом, мотив исчезновения города-призрака, который уже присутствовал в “петербургском тексте”, оказался востребованным Белым еще до посещения Петербурга применительно к собственному образу города.

В критической прозе А. Белого мифологема города характеризуется особенной функциональностью. Урбанистические символы появляются в качестве обозначения демонических сил и связаны с мотивами ужаса, смерти, призрачности, поглощения человеческой личности. Город и его атрибуты в сознании Белого – воплощение искусственной западной цивилизации, заслоняющей собой необозримые пространства души и противодействующей явлению Вечной Жены. Все эти темы и мотивы способствуют тому, что мифологема города в критических текстах Белого гораздо больше тяготеет к “эксцентрическому” Петербургу, а не к “концентрической” Москве. По-видимому, именно “петербургский текст” стал решающим фактором в формировании урбанистической мифологии символиста, а посещение города и сопровождавшая его личная история только усилили эффект. Эсхатологическая мифология Петербурга особенно подходила московскому символисту, который наиболее остро и глубоко ощущал кризисное состояние человека на рубеже веков. В связи с этим вполне понятно высказывание А. Лаврова, который, анализируя критическое творчество Белого 1907–1908 гг., отмечает: *“Имеются все основания полагать, что уже тогда, в разгар внутрисимволистской позиционной борьбы, им был в полной мере осмыслен и прочувствован Петербург как зримое средоточие идей и образов, аккумулярованных классической русской литературой и обладающих огромной стимулирующей силой для его собственных творческих замыслов”* [6, 152]. Как видим, сказанное выше может относиться и к более раннему периоду – 1904–1905 гг., когда в критической прозе Белого начинает формироваться центральная для его творчества мифологема – инфернальный город-призрак с лабиринтом улиц, черными трубами фабрик и тенями, которые замещают собой людей.

Литература

1. Андрей Белый и Александр Александрович Блок. Переписка / Публикация, предисловия и комментарии А. В. Лаврова. – М. : Прогресс-Плеяда, 2001. – 608 с., 64 с. илл.

2. Белый А. Окно в будущее / А. Белый // Весы. – 1904. – № 12. – С. 1–11.
3. Белый А. Призраки хаоса / А. Белый // Весы. – 1904. – № 12. – С. 71–73.
4. Белый А. Символизм как миропонимание / Андрей Белый / сост., вступ. ст. и прим. Л. А. Сугай. – М. : Республика, 1994. – 528 с. – (Мыслители XX в.).
5. Долгополов Л. Андрей Белый и его роман “Петербург”: монография / Л. Долгополов. – Л. : Сов. писатель, 1988. – 415 с.
6. Лавров А. В. Петербург до “Петербурга” в мифопоэтике и творчестве Андрея Белого // Андрей Белый : разыскания и этюды / А. В. Лавров. – М. : Новое литературное обозрение, 2007. – С. 143–156.
7. Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Семиотика города и городской культуры : Петербург. Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. – Тарту, 1984. – Вып. 664. – С. 30–45.
8. Минц З. Г., Безродный М. В., Данилевский А. А. “Петербургский текст” и русский символизм // Семиотика города и городской культуры : Петербург. Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. – Тарту, 1984. – Вып. 664. – С. 78–92.
9. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ : Исследования в области мифопоэтического : Избранное / В. Н. Топоров. – М. : Издательская группа “Прогресс” – “Культура”, 1995. – 624 с.

Анотація

У статті досліджуються витoki міфологеми інфернального міста-фантому у критичній творчості Андрія Белого. Визначено концептуальну функцію даної міфологеми у міфопоетичній картині світу письменника. Урбаністична цивілізація інтерпретується одночасно як штучне втручання рацію у природне життя особистості і як носій інфернального начала. У статті доводиться спорідненість тем і мотивів, пов'язаних із містом, із традицією “петербургського тексту”. Робиться висновок, що основні елементи міфологеми Петербурга як міста-фантому формуються вже у ранній критичній прозі А. Белого.

Ключові слова: міфопоетика, “петербурзький текст”, урбаністичний міф, мотив автомату, місто-примара.

Аннотация

В статье исследуются истоки мифологеми инфернального города-призрака в критическом творчестве Андрея Белого. Определена концептуальная функция данной мифологеми в мифопоэтической картине мира писателя. Урбанистическая цивилизация интерпретируется одновременно как искусственное вмешательство рацио в естественную жизнь личности и как носитель инфернального начала. В статье доказывается близость тем и мотивов, связанных с городом, и традиции “петербургского текста”. Делается вывод, что основные элементы мифологеми Петербурга как города-призрака формируются уже в ранней критической прозе А. Белого.

Ключевые слова: мифопоэтика, “петербургский текст”, урбанистический миф, мотив автомата, город-призрак.

Summary

The sources of the mythologem of infernal phantom city in the critical works by Andrei Bely are researched in the article. The conceptual function of this mythologem in the writer's mythopoetic picture of the world is defined. The urbanistic civilization is interpreted as an artificial intervention of the ratio in the natural life of the person and also as a bearer of the infernal powers. The likeness of the themes and motifs connected with a city and the tradition of the “Petersburg's text” is proved in the article. It is concluded that the main elements of the mythologem of Petersburg as a phantom city are formed in the early critical prose by A. Bely.

Keywords: mythopoetics, “Petersburg's text”, urbanistic myth, motif of automatic machine, phantom city.